

С.Р. Федякин

НЕОКОНЧЕННАЯ «ПАРТИТУРА» РОЗАНОВА

Аннотация. В статье анализируются особенности рукописей В.В. Розанова.

Ключевые слова: рукописи; В.В. Розанов.

Fedjakin S.R. The unfinished «score» by Rozanov

Summary. The article deals with the manuscripts of V.V. Rozanov.

Keywords: manuscripts; V.V. Rozanov.

Всякий, кто подолгу сидел в архиве над рукописями Розанова, мог видеть «застывший» творческий процесс: сначала несколько беглых фраз на любом клочке или на конверте; потом – мысль переписывается отчетливым почерком на большом листе бумаги. Но в какое-то мгновение рождается неожиданное ее продолжение, и Розанов уже торопится, пытается поспеть, и за нехваткой места страница поворачивается на бок, потом – вниз головой, следом – на другой бок. Когда уже не остается места – ставится значок (часто – косой крест в кружочке), лист переворачивается, и с изнанки, после такого же значка, бег начинается снова.

Наконец, поставлена точка. Розанов опять начинает переписывать начисто. Полстраницы – отчетливые слова. Но вот мысль уклонилась в сторону, от того же начала рождается совсем иное продолжение; совсем уже непонятным почерком, – так что слова похожи на цепочки из буквы «и», – Розанов пытается запечатлеть «новую старую мысль».

Иной раз, впрочем, переписывание начала может обрести иные, усложненные черты: «смысловые точки» соединяются в тот же рисунок, но поступает он сквозь иные слова, иначе составленные предложения.

«Не удивительную ли сторону целой “Истории христианства” составляет то, что в ней никогда не появлялся Иов? И что страниц Библии не оскорбляет Иов, тогда как было бы что-то дурное и невообразимое, если бы кто-нибудь вздумал возразить Христу.

Почему?

Боже, что же все это значит?»¹

Так начинается фрагмент «Из тайн Христовых» (рукопись «Апокалипсиса нашего времени»). И рядом, под таким же названием, – та же мысль в ином словесном обличье, с «детальями»:

«Удивительно, что в то время как в Ветхом Завете был Иов, в христианском мире не появлялся никогда он, а были, что называется, – одни прохвосты. Т.е. что как-то и каким-то образом там были только люди вовсе не верующие, никак не верующие, были люди в высшей степени недостойные, а потому отрицающие Христа.

Но чтобы человек с достоинством, “не вольтерианец”, отрицал Христа, чтобы он, так сказать, жаловался Христу на Христа, как Иов – Богу на Бога, то этого никогда не было. И как-то это странным образом – невообразимо. Но отчего?

Боже, отчего?»²

Первый фрагмент (целиком это половина страницы) остановится на мысли: «пытаться бороться со Христом» – по самому смыслу Нового Завета – чудовищно. Второй (он длиннее) поведет в своеобразно понятое «имяславие».

Первые абзацы у отрывков – почти одно. Потом изначальная мысль раздваивается. Как если бы Розанов к одной мысли, – точнее, к ее «предчувствию», – писал разные комментарии.

Но ведь, в сущности, многое он так и писал! И даже самое знаменитое.

* * *

Когда смотрят на «Уединенное» как на ворох «листьев» («Шумит ветер в полночь и несет листья...»), то упускают ту умст-

венную школу, которую Розанов прошел, занимаясь переводом Аристотеля или создавая труд «О понимании».

Записи «Уединенного», эти отрывки «с рваными краями», т.е. не мысли, но – по признанию самого Розанова – «полумысли» и «полочувства», конечно, запечатлевают мгновение. Но когда в архиве видишь странички с правкой типографского набора этих «мимолетностей» – ощущаешь и то, насколько живы в Розанове «первообразы» этих внезапных откровений. И, значит, здесь сказать «так», а здесь «этак» – совсем не причуда.

В «Уединенном» Розанов потому и мог быть невероятно самопротиворечив, что у него под всеми «полумыслями» лежит серьезный фундамент.

Цель как первопричина, – об этом Розанов много писал на заре своего вхождения в умственную жизнь России. Организм предшествует своим «частям» – мускулам, нервам, кровеносной системе и т.д., – в соразмерной работе эти «части» повинуются «генетической своей связи»³. А если речь о менее очевидном, о странных связях между удаленными друг от друга предметами и явлениями? – «*Есть мысль, держащая вселенную*; к ней, собственно, имеет каждая вещь *прямое* свое отношение; и лишь через нее, в которой содержится и всякая иная вещь, она с этою иною вещью соотносится»⁴.

Если перевести розановские умозаключения на открытую им литературную форму, то придется сказать: «уединенные» книги – предшествуют отрывкам, из которых они состоят. Потому и не сводятся они к сумме этих литературных «вздохов». «Целое “держит” свои части»⁵, – объясняет этот принцип Аристотель в переводе Розанова. А части эти – род комментария «к мирозданию». И схвачены не только «полумысли», но и сама их возможность.

«За нумизматикой», «на обороте транспаранта», «вагон»... – постоянные *обстоятельства мысли*, запечатленные знаменитыми его ремарками. Есть и более редкие: «за истреблением комаров»⁶, «убираясь с лета в город»⁷. Через ремарки, – эти «потенции» мысли, – можно и сами «короба» Розанова увидеть иначе, «вывернув» их содержание.

«За нумизматикой» (лупа в руке, глаз, «прочитывающий» монету) – та возможность, которая дает выход многим идеям, что бродят в голове:

– «Газеты, я думаю, так же пройдут, как и “вечные войны” Средних веков...»⁸

– «Наша литература началась с сатиры...»⁹

– «С бороденочкой, с нежным девичьим лицом, А.П. У-ский копался около рясы...»¹⁰

– «В вас мужского только... *брюки...*»¹¹

«За нумизматикой» вместит и о Некрасове, и о Чернышевском, и о проституции, и о том, что «боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни»¹². И – о тайное тайных «уединенных» книг: «Секрет писательства заключается в вечной и *невольной* музыке в душе»¹³.

Чем разнообразнее части единого целого, чем они – на первый взгляд – не сходней, тем мощнее проявление этого единого в мироздании. Когда за разнообразием частей уже не видно этого единого, когда оно лишь чувствуется, тогда розановские «полумысли-получувства» превращаются в лейтмотивы, в темы, в такты большой партитуры.

Внимание к мелочам? – Именно в мелочах, в деталях – лучше ощущается Целое. Это – штрихи в музыкальном произведении. Внутренняя противоречивость? – Это противоборство музыкальных тем.

Каждый отдельный «листок» заставляет вспомнить о целом. Конец «Уединенного» («человек достоин только жалости»¹⁴) – лишь намекает на «мысль, держащую вселенную», конец «Опавших листьев» («и далеким знанием знает Главизна мира обо мне»¹⁵) – указывает на него.

Так можно увидеть мир «потенций» и воплощений: о чем подумалось-вспомнилось «за нумизматикой»? – и перечень отрывков; что запечатлел «на обороте транспаранта» – и другой перечень. Иногда – «смотря на портрет Страхова...»¹⁶ – ремарка без повтора, поскольку в мире потенциалов – своя иерархия: при каких обстоятельствах мысль рождается часто, при каких – лишь иногда.

* * *

Это «ветвление» мысли отчетливо обнаруживается в поздних книгах Розанова. «Последние листья», которые «замолкнут» только в 1918 г.¹⁷, обнаруживают общие темы с «Апокалипсисом

нашего времени» («Апокалиптика русской литературы»), последний – общие статьи с книгой «Возрождающийся Египет» («Шакал», «Моисей и Египет», «О поклонении Аписам»)¹⁸. Три книги, три замысла сходились и расходились, но были также движимы общей целью. «Возрождающийся Египет» – взгляд в спасительное прошлое человечества, «Последние листья» – попытка понять что-то в тревожном настоящем, «Апокалипсис нашего времени» изрекает не то горестные реплики, не то пророчества при взгляде в катастрофическое будущее, которое так внезапно пришло. И сам Розанов совмещает эти зрительные лучи, и «Возрождающийся Египет» (статья «Анархия») чувствует кошмар наступающих времен, и «Апокалипсис нашего времени» помнит прошлое, где были «Моисей и Египет».

Но стоит бросить взгляд на раннее творчество Розанова – и та же картина, то же соотношение целого и частей. «О понимании», перевод Аристотеля и комментирование его – с этого начнет, «Легенда о Великом инквизиторе» (попытка найти сверхидею, «первопричину» творчества Достоевского, а через него и русской культуры) – следующий шаг, а далее – многочисленные статьи. Когда на рубеже XIX–XX вв. они выйдут книгами, сами названия этих томов скажут о «ветвлении» интересов: «Природа и история», «Религия и культура», «Сумерки просвещения», «Литературные очерки», «Семейный вопрос в России», «Около церковных стен». Там же, где нельзя четко определить одну проблему, где ощутим выход за границы привычных вопросов, название еще более чуткое: «В мире неясного и не решенного».

И в жанрах своих сочинений он чувствует себя все свободнее и свободнее. Трактат – полемическая статья – философский памфлет. И тут – Дарвин, как гениальный наблюдатель и туповатый истолкователь собственных открытий, Бокль, готовый объяснить историю цивилизации, и не способный даже к первому шагу в этом направлении. Последняя работа – «Книга особенно замечательной судьбы» – годилась бы в серию «Жизнь замечательных людей», если бы не жестокая ирония, которой пронизан рассказ о слабоумном ребенке¹⁹, задумавшем многотомный труд: «Бокль был увлечен представлением книги в ее внешних чертах, и это скорее переплетное, нежели даже книжное, чувство, этот мелькающий и манящий образ тысяч корешков с золотящимися надпи-

сями на них, повлиял на его бедное воображение, на воображение худосочного и обеспеченного мальчика, оставшегося на руках необразованной матери и которому доктора предупредительно, но слишком обще и неопределенно говорили, чтобы он перестал учиться»²⁰.

Создавая эту биографию, где жалость по отношению к герою граничит с издевкой, Розанов словно предчувствует скандальный роман о Чернышевском, который напишет спустя несколько десятилетий герой набоковского «Дара».

И вместе с этим – еще большая вольность в том, как он начинает создавать свои сочинения, связывая разное воедино: книга как собрание статей; книга, включившая полемические материалы и письма (чужое слово), комментарии к чужому высказыванию, комментарии оппонентов к его и чужим словам, комментарии к комментариям оппонентов... Разноголосица, которую он тут же оплетает своими беглыми замечаниями и чутким вниманием. Когда останутся одни примечания – родится «Уединенное». Когда подойдет время подводить итоги – он начнет создавать равноправные варианты как бы одних и тех же статей.

* * *

Рукописи, которые запечатлели «раздвоение» мысли. От праидеи повествование движется не по законам логики (если «а», то «б»; или: «тезис – антитезис – синтез»), но по закону удивления: забрезжило что-то неожиданное, и мысль побежала в новом для себя направлении. (Так живая река прокладывает одно русло, потом вдруг меняет его, пробивая другое.) «Уединенное», которое запечатлело не только момент рождения, но и сами «предчувствия» мысли (от «нумизматики» до «истребления комаров»).

Книги, которые «спорили» между собой из-за отдельных статей, поскольку тоже оказались частями единого целого... Его творческая жизнь началась с постройки фундамента («О понимании»), а пришла к полному разнообразию жанров и тем. «Философия начинается с удивления», – заметил его учитель Аристотель, и Розанов в способности удивляться превзошел всех учителей и современников.

Этот розановский путь и «вширь», и «вглубь» не мог быть закончен, поскольку познание и понимание Единого всегда превышает возможности человека. Зато и такого разнообразия жанров, мыслей, тем мало у кого из писателей можно найти.

Всю жизнь он чувствовал «музыку мысли». Всю жизнь писал огромную партитуру. Здесь отдельные части соотносятся не как «причины и следствия», не как логически соотносимые разнообразные суждения, но так, как соотносятся темы в музыкальном произведении, – то повторяясь, то преображаясь до неузнаваемости, то сливаясь в сложном контрапункте, то контрастируя друг другу.

Сегодня подумал «так», а завтра «этак» (частое представление о Розанове) – это путь к произволу, если за этими разноречиями нет того Целого, которое «держит части». Путь Розанова – всегда с чувством «Главизны мира» и с чувством «маленького Розанова» у него на руках. Неожиданное решение темы «маленького человека». И все же – в традициях русской культуры.

Этот «маленький Розанов» направлен на Целое, на конечную цель, которая лежит «в основе всего». И потому-то он так разнообразен и так противоречив. И потому он стер границы между статьей, художественной прозой и черновиком. И потому не завершил своей партитуры, ведь любая точка на этом пути была бы неестественной.

¹ Розанов В.В. *Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени*. М.: Республика, 2000. С. 260.

² Там же. С. 261.

³ Розанов В.В. *Собрание сочинений. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.)*. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 106.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ Розанов В.В. *Сочинения: [Т. 2]. Красота в природе и ее смысл и другие статьи: 1882–1890*. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 503.

⁶ Розанов В.В. *Собрание сочинений. Листва*. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 116.

⁷ Там же. С. 153.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 12.

-
- ¹¹ Там же. С. 13.
- ¹² Там же. С. 13, 16, 14.
- ¹³ Там же. С. 13.
- ¹⁴ Там же. С. 72.
- ¹⁵ Там же. С. 364.
- ¹⁶ Там же. С. 191.
- ¹⁷ См.: *Федякин С.Р.* О последней книге Василия Розанова // *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 381.
- ¹⁸ См. рукописи этих работ: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 230; Ед. хр. 232–235; Ед. хр. 96–105. Ссылка на архивы здесь необходима, поскольку внешний вид рукописей для понимания замыслов говорит больше, нежели опубликованные варианты книг.
- ¹⁹ См.: *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 156.
- ²⁰ Там же. С. 170.